

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Институт Китая и современной Азии Российской академии наук

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КНР И РОССИЙСКО– КИТАЙСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ГОД 75–ЛЕТИЯ ДВУСТОРОННИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Сборник тезисов
по материалам докладов
ежегодного круглого стола
Центра «Россия, Китай, мир»
ИКСА РАН
11 июня 2024 года, Москва

УДК [327(510)+327(470+510)(084)
ББК 66.4(5Кит)я43+66.4(2Рос)я43
В60

*Рекомендовано к публикации
Ученым советом ИКСА РАН*

*Ответственный редактор
к.э.н., Т.М. Мамахатов*

В60 Внешняя политика КНР и российско-китайское взаимодействие в год 75-летия двусторонних дипломатических отношений : сборник тезисов по материалам докладов ежегодной научной конференции Центра «Россия, Китай, мир» ИКСА РАН (11 июня 2024 года, Москва) / отв. ред. Т.М. Мамахатов. — М.: ИКСА РАН, 2025. — 60 с.

ISBN 978-5-8381-0494-6

DOI: 10.48647/ICCA.2025.98.10.001

Сборник тезисов подготовлен по материалам докладов, которые были представлены в рамках ежегодного Круглого стола Центра «Россия, Китай, мир», прошедшего 11 июня 2024 года в Институте Китая и современной Азии РАН. Обсуждения касались темы «Внешняя политика КНР и российско-китайское взаимодействие в год 75-летия двусторонних дипломатических отношений». Мероприятие носило представительный характер. В проведенных дискуссиях участвовали ученые ведущих научных центров ИКСА РАН, а также коллеги из ряда авторитетных российских страноведческих учреждений и некоторых практических организаций. Было заслушано около 20 докладов, авторы сообщений дали ответы на ряд злободневных вопросов. Тема Круглого стола отразила неизменную актуальность общей проблематики отношений двух стран, которая лишь возросла на фоне текущих международных трансформаций и нарастающего давления на Россию со стороны коллективного Запада.

Сборник состоит из трех взаимосвязанных тематических разделов — текущие концептуальные и практические черты внешней политики КНР; основные направления нынешнего российско-китайского взаимодействия; евразийский контекст сотрудничества РФ и КНР.

Ключевые слова: КНР, внешняя политика, многополярность, инклюзивная глобализация, Инициатива Пояс и путь.

УДК [327(510)+327(470+510)(084)
ББК 66.4(5Кит)я43+66.4(2Рос)я43

ISBN 978-5-8381-0494-6

© Коллектив авторов, 2025
© ИКСА РАН, 2025

MINISTRY OF SCIENCE
AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

Institute of China and Contemporary Asia

**China's foreign policy
and Russian-Chinese
cooperation in the year
of the 75th anniversary
of bilateral diplomatic relations**

**The book of theses based on the reports
of the annual round table
The Center “Russia, China, and the World”
of the ICCA RAS
(June 11, 2024, Moscow)**

Moscow
ICCA RAS
2025

*Recommended for publication by:
Academic Council of China and Contemporary Asia
Russian Academy of Sciences*

Edited by:
PhD (Economy) T.M. Mamakhatov

China's foreign policy and Russian-Chinese cooperation in the year of the 75th anniversary of bilateral diplomatic relations. The book of theses based on the reports of the annual scientific conference of the Center “Russia, China, the World” of the ICCA RAS (June 11, 2024, Moscow) / edited by T.M. Mamakhatov. Moscow: ICCA RAS, 2025. — 60 p.

The book of theses is based on the reports presented at the annual Round Table of the “Russia, China, and the World» Center, held on June 11, 2024 at the Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. The discussions focused on the topic “China's foreign policy and Russian-Chinese cooperation in the year of the 75th anniversary of bilateral diplomatic relations.” The event was broadly representative. The discussions were attended by scientists from the leading scientific centers of the ICCA RAS, as well as colleagues from a number of reputable Russian regional studies institutions and some practical organizations. About 20 reports were heard, and the authors of the reports provided answers to a number of relevant questions. The topic of the Round Table reflected the continued relevance of the general issues of relations between the two countries, which has only increased against the background of current international transformations and increasing pressure on Russia from the collective West.

The book consists of three interrelated thematic sections: current conceptual and practical features of China's foreign policy; the main directions of current Russian-Chinese cooperation; and the Eurasian context of cooperation between Russia and China.

Keywords: China, foreign policy, multipolarity, inclusive globalization, Belt and Road Initiative.

Содержание

Раздел 1

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КНР

<i>Уянаев С.В.</i> Задачи и вызовы внешней политики КНР на современном этапе	9
<i>Ломанов А.В.</i> Внешнеполитические концепции КНР в третий срок председательства Си Цзиньпина	12
<i>Сафронова Е.И.</i> Влияние экономических проблем в Китае на китайско-латиноамериканские отношения	15
<i>Виноградов И.С.</i> ИПП в АСЕАН: успехи и особенности реализации (к 10-летию ИПП)	18
<i>Морозов Ю.В.</i> Миротворческая деятельность Китая как инструмент внешнеполитической стратегии	22
<i>Асмолов К.В.</i> Политика Китая на корейском направлении	25
<i>Мокрецкий А.Ч.</i> Отношения Китая с постсоветскими республиками в период СВО (на примере шести государств)	29

Раздел 2

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

<i>Петровский В.Е.</i> Теория и практика российско-китайского стратегического партнерства	33
<i>Александрова М.В.</i> Место провинций Северо-Востока КНР в российско-китайской торговле	36
<i>Криворотов А.К.</i> Треугольник «Россия—КНР—НАТО» в новой Арктике	40

Раздел 3

РОССИЯ И КИТАЙ В КОНТЕКСТЕ СИТУАЦИИ В ЕВРАЗИИ

<i>Клименко А.Ф.</i> Позиция стран ШОС и ОДКБ на международной арене на фоне российско-украинского конфликта	43
<i>Сазонов С.Л.</i> СУАР превращается в транспортно-логистический центр стран ШОС	47
<i>Мамахатов Т.М.</i> Современные вызовы и многовекторная политика стран Центральной Азии в условиях политического давления	51
<i>Исаев А.С.</i> Информационные войны в медийном пространстве центральноазиатских стран: тенденции и особенности, риски для ШОС, перспективы противодействия	56

Content

Section 1 CHINA'S FOREIGN POLICY

<i>Uyanaev S.V.</i> Tasks and challenges of China's foreign policy at the present stage	9
<i>Lomanov A.V.</i> China's foreign policy concepts in the third term of Xi Jinping's presidency	12
<i>Safronova E.I.</i> The impact of economic problems in China on Sino-Latin American relations	15
<i>Vinogradov I.S.</i> BRI in ASEAN: successes and implementation features (on the 10-th anniversary of BRI)	18
<i>Morozov Yu.V.</i> Peacemaking as an integral part of China's foreign policy strategy	22
<i>Asmolov K.V.</i> China's policy in the Korean direction	25
<i>Mokretsky A.Ch.</i> China's relations with the post-Soviet republics in the period of its Independence (on the example of six states)	29

Section 2 THE FOREIGN POLICY AND PRACTICAL AGENDA OF MODERN RUSSIAN-CHINESE RELATIONS

<i>Petrovsky V.E.</i> Theory and practice of the Russian-Chinese strategic partnership	33
<i>Alexandrova M.V.</i> The place of the provinces of the North-East of China in the Russian-Chinese trade	36
<i>Krivorotov A.K.</i> The Russia—China—NATO Triangle in the New Arctic	40

Section 3

RUSSIA AND CHINA IN THE CONTEXT OF THE SITUATION IN EURASIA

<i>Klimenko A.F.</i> The position of the SCO and CSTO countries in the international arena against the background of the Russian-Ukrainian conflict	43
<i>Sazonov S.L.</i> XUAR is turning into a transport and logistics center of the SCO countries	47
<i>Mamakhatov T.M.</i> Modern challenges and the multi-vector policy of Central Asian countries under political pressure	51
<i>Isaev A.S.</i> Information wars in the media space of Central Asian countries: trends and features, risks for the SCO, prospects for counteraction	56

Раздел 1

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КНР

DOI: 10.48647/ICCA.2025.67.39.002

С.В. Уянаев

ЗАДАЧИ И ВЫЗОВЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КНР НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация. Внешняя политика Китая в год 75-летия КНР продолжает характеризоваться созданием оптимальных внешних условий для решения системной задачи — выхода к середине столетия на лидирующие мировые позиции по комплексной государственной мощи. Пекин продолжает следовать своим базовым теоретическим установкам, учитывает ускорившиеся мировые трансформации, возможности сотрудничества с традиционными партнерами, риски и вызовы, прежде всего связанные с политикой США и их ближайших союзников.

Ключевые слова: КНР, внешняя политика, упорядоченная многополярность, инклюзивная глобализация, Инициатива Пояс и путь, сообщество единой судьбы.

Автор: Уянаев Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, Институт Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН). 117218, Российская Федерация, Москва, Нахимовский проспект, 32. Scopus: 23486790800. ORCID: 0000-0002-5471-8224.
E-mail: svuyav@yahoo.com

S.V. Uyanaev

Tasks and challenges of China's foreign policy at the present stage

Abstract. In the year of the 75th anniversary of the People's Republic of China, China's foreign policy continues to be characterized by the goals of creating optimal external conditions for solving the systemic task of reaching by the middle of the century the world's leading positions in terms

of integrated state policy. Beijing observes the well-known basic theoretical principles, takes to account the fast global transformations, opportunities for cooperation with traditional partners, risks and challenges, primarily related to the policy of the United States and its closest allies.

Keywords: China, foreign policy, orderly multipolarity, inclusive globalization, Belt and Road Initiative, community of common destiny.

Author: Sergey V. UYANAIEV, Cand. Sc. (History), Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS). 32 Nahimovsky prosp., Moscow, 117218, Russian Federation.

Scopus: 23486790800. ORCID: 0000-0002-5471-8224.

E-mail: svuyav@yahoo.com

1. Внешнюю политику (ВП) КНР отличают ныне два главных фактора. Во-первых, она продолжает руководствоваться базовыми теоретическими установками последних лет, которые вписаны в генеральную цель «создания благоприятных условий для великого возрождения китайской нации». А дефиниция «Державная внешняя политика с китайской спецификой» напоминает, что это — глобальный курс с глобальными целями. Возрастающей особенностью остается место, отводимое «первому лицу». Лишь за неполные 6 месяцев 2024 г. Председатель КНР совершил визиты в 4 страны, провел в Пекине переговоры с лидерами не менее 16 государств.

Во-вторых, международный курс КНР осуществляется на фоне обострившейся глобальной конкуренции. Поляризация мировых сил объективно сузила для КНР зону компромиссов, не просто ускорила уход от прежней «политики скромности», но и подтолкнула к более четкому определению собственных позиций, в том числе в отношении с США и РФ.

2. Основными внешнеполитическими документами КНР конца 2023 — первой половины 2024 гг. являются речь Си Цзиньпина на Совещании по дипломатии (29 декабря 2023 г.), выступления Ван И на симпозиуме в январе 2024 г. и на сессии ВСНП в марте. Среди 10 тезисов, что прозвучали на Совещании, выделяются следующие: о «партийном руководстве дипломатией»; о ведущей роли первого лица; о задачах «возглавить трансформацию миропорядка», «планировать международную деятельность», «заводить друзей», но при этом «сражаться, быть готовым к войне без страха перед силой». Подчеркивалось значение равноправной и упорядоченной многополярности, а также инклюзивной экономической глобализации. Эти положения были отражены и в упомянутых выступлениях Ван И. Важным при этом стало выделение «стремительного продвижения строитель-

ства Сообщества единой судьбы человечества» (СЕСЧ), которое «из инициативы превращается в консенсус международного сообщества, переходит к применению на практике».

3. Практическая деятельность дипломатии КНР, согласно оценкам ее руководства, по-прежнему носит максимально диверсифицированный характер, сочетающий как многостороннюю (Форум высокого уровня «Пояс и путь», саммиты «КНР—ЦАР», саммиты БРИКС и АТЭС), так и двустороннюю дипломатию. В последнем случае, как и раньше выделяя отношения с крупными, соседними и развивающимися странами, руководство КНР: декларирует упор на «сотрудничество, вечное добрососедство, дружбу, глубокое стратегическое взаимодействие» с **Россией**; выступает за возврат отношений с **США** в конструктивное русло, но лишь при твердом отказе Вашингтона от «сдерживания КНР»; выражает надежду, что в отношениях с **ЕС** аналогичным образом сотрудничество будет преобладать над разногласиями; заявляет о намерении строить «общий дом» и продвигать строительство СЕСЧ с **соседними государствами** и отмечает успехи на этом пути; демонстрирует повышенное внимание развивающимся странам Глобального Юга, которые, «включая в себя и Китай», превращаются «в ключевую силу в трансформации миропорядка».

4. Китай усиливает самоидентификацию как страны-миротворца, «конструктивного фактора международного мира». 23 мая принят документ под названием «Украинский консенсус Китая и Бразилии», в котором акцентированы такие положения по урегулированию конфликта, как «нерасширение, деэскалация и нераздувание всеми сторонами». Неоднократно высказывалась также позиция по палестинно-израильскому конфликту, где Китай выступает за отстаивание прав Палестины на собственное государство согласно резолюциям ООН.

5. В целом дипломатия КНР продолжает действовать в рамках определенившихся в последнее десятилетие концептуальных установок, нацеленных на дальнейшее повышение глобального статуса и доступа к рычагам глобального управления, в том числе за счет форсирования позиций в БРИКС и в зоне Глобального Юга. При этом КНР сталкивается с вызовами текущей усложнившейся международной обстановки и глобальной поляризации. Главный из вызовов — сохраняющийся курс США на сдерживание КНР, в том числе по вопросу Тайваня, сохраняются риски обострения территориальных споров Китая с некоторыми его соседями. В отношениях с Россией сохраняется высокая степень схождения целей и приоритетов, что оставляет неизменными установившиеся тренды на дальнейшее расширение сотрудничества и стратегической координации.

А.В. Ломанов

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ КНР В ТРЕТИЙ СРОК ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВА СИ ЦЗИНЬПИНА

Аннотация. Одной из ключевых особенностей внешней политики Си Цзиньпина во время его третьего срока пребывания у власти является продвижение глобальных инициатив, охватывающих вопросы развития, безопасности и диалога цивилизаций. Российскому экспертному сообществу важно обратить внимание на китайское понятие «общих ценностей» (что такое «общие ценности» с российской спецификой, каково их содержание, как они соотносятся с интерпретациями ключевых цивилизаций «мирового большинства»). Повышение нормативной роли взглядов Си Цзиньпина на дипломатию будет способствовать устойчивости и предсказуемости российско-китайских отношений.

Ключевые слова: глобальные инициативы Китая, «общие ценности», «дипломатические идеи Си Цзиньпина».

Автор: Александр Владимирович ЛОМАНОВ, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института Китая и современной Азии Российской академии наук; руководитель Центра азиатско-тихоокеанских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук.

ORCID: 0000-0002-6468-4961. E-mail: zagransasha@hotmail.com

A. V. Lomanov

China's foreign policy concepts in the third term of Xi Jinping's presidency

Abstract. Among the key features of Xi Jinping's foreign policy during his third term in power is the promotion of global initiatives that embrace

issues of development, security and civilization dialogue. It is important for the Russian expert community to pay attention to China's notion of "common values" (what are "common values" with Russian specifics, what is their content, how do they relate to the interpretations by key civilizations of the "world majority"). Elevation of normative role of Xi Jinping Thought on Diplomacy will contribute to sustainability and predictability of Russian-Chinese relation.

Keywords: China's global initiatives, "common values", Xi Jinping Thought on Diplomacy.

Author: Alexander V. LOMANOV, Dr. Sc. (History), Chief Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences; Head of the Center for Asia-Pacific Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, ORCID: 0000-0002-6468-4961. E-mail: zagransasha@hotmail.com

Важной внешнеполитической особенностью третьего срока пребывания у власти Си Цзиньпина становится продвижение целостного комплекса «глобальных инициатив», затрагивающих проблемы развития, безопасности и взаимодействия между цивилизациями. Россия проявляет интерес к китайской инициативе безопасности, построенной на принципе неделимой безопасности. Подходы России и Китая в этой сфере близки, партнерство с Китаем необходимо для совместного построения пространства евразийской безопасности.

Вместе с тем следует учитывать, что для китайской стороны инициатива безопасности не является обособленной. В процессе диалога российской стороне, к примеру, потребуется принимать во внимание китайскую Глобальную инициативу цивилизаций и связанные с ней концепции. Перед внешней политикой КНР поставлена цель обеспечить благоприятные условия для завершения «модернизации китайского типа», учитывающей национальную специфику. Китай также подчеркивает, что появление «модернизации китайского типа» продемонстрировало отсутствие знака равенства между модернизацией и вестернизацией, стало стимулом для поиска всеми стремящимися к развитию странами собственных путей модернизации с учетом культурных различий. Для содержательного диалога с китайской стороной требуются знания и углубленная аргументация по данной теме.

Китай критикует Запад за навязывание другим странам «универсалистской» трактовки ценностей. Одновременно Китай выступает за то, чтобы дать каждой цивилизации право самостоятельной интерпретации «общих ценностей» (к ним относятся мир, развитие, справедливость, демократия, свобода). Предполагается, что на этой основе поя-

вится возможность создать ценностный консенсус для формирования «сообщества судьбы человечества». Этот аспект цивилизационной инициативы требует от российского экспертного сообщества внимания к поставленной в Китае проблеме «общих ценностей» (что представляют собой «общие ценности» с российской спецификой, каково их содержательное наполнение, как они соотносятся с трактовками ценностей ключевыми цивилизациями «мирового большинства»).

На Совещании ЦК КПК по внешнеполитической работе (декабрь 2023 г.) в число приоритетов вошли «равноправная упорядоченная многополяризация мира» и «приносящая выгоду всем инклюзивная глобализация экономики». У России и Китая есть общие интересы в продвижении к многополярному миру. Общее неприятие политики санкций, протекционизма и экономического диктата со стороны Запада может послужить отправной точкой для сотрудничества в области создания новой модели глобализации.

Новый, более высокий статус, получила концепция «сообщества судьбы человечества». На Совещании ЦК было заявлено, что из китайской инициативы она превратилась в «международный консенсус», из прекрасной перспективы трансформировалась в «богатую практику», идейный акцент развился в «научную систему». Этот набор характеристик заслуживает внимания с точки зрения развития двустороннего сотрудничества. Нужно сформулировать взвешенные ответы на вопросы о том, в какой мере Россия разделяет этот «международный консенсус», насколько широко она участвует в «богатой практике» и в каких масштабах российское исследовательское сообщество использует «научную систему» при изучении и прогнозировании международных отношений.

Сохранение нормативной роли «дипломатических идей Си Цзиньпина» будет обеспечивать устойчивость и предсказуемость российско-китайских отношений. «Дипломатия первого лица» останется ключевой характеристикой современной внешней политики КНР. Китайская сторона неизменно подчеркивает вклад двух лидеров в успешное развитие отношений между двумя государствами. Прежние сетования по поводу сосредоточения активности на верхних эшелонах взаимодействия на фоне «холодности внизу» ушли в прошлое не только по причине прогресса в развитии российско-китайского сотрудничества, но и потому, что «проектирование сверху» более не может быть истолковано как проявление несбалансированности механизма взаимодействия.

Е.И. Сафронова

ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ В КИТАЕ НА КИТАЙСКО-ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Аннотация. Тезисы рассматривают важность и роль замедления экономического роста в Китае для развития китайско-латиноамериканских отношений. Автор выделяет ключевые проблемы современной китайской экономики и характеризует их возможное или уже заметное влияние на ход и перспективы китайско-латиноамериканских связей, главным образом в экономической сфере.

Ключевые слова: Китай, Латинская Америка, экономические отношения, экономическое замедление.

Автор: Сафронова Елена Ильинична, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра «Россия, Китай, мир» Института Китая и современной Азии РАН.

ORCID: 0000-0002-4256-2381. E-mail: hayrumores@yandex.ru

Е.И. Safronova

The impact of economic problems in China on Sino-Latin American relations

Abstract. The thesis examines importance and role of China's economic slowdown for the evolution of China-Latin American relations. The author identifies key problems of the modern Chinese economy and characterizes their probable or already noticeable influence on the course and prospects of Chinese-Latin American ties, mainly in the economic sphere.

Keywords: China, Latin America, economic relations, economic slowdown.

Author: Elena I. SAFRONOVA, Ph.D. (Economics), Leading Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0002-4256-2381.
E-mail: hayrumores@yandex.ru

Вопрос о замедлении темпов экономического роста в КНР имеет глобальное значение: в последние годы национальное хозяйство страны обеспечивало треть мирового экономического роста. При увеличении темпов роста Китая на 1 % глобальная экономика ускорится на 0,3 %. Имеет место и обратный тренд. Однако ныне КНР сталкивается с серьезными вызовами, из которых ключевыми для китайско-латиноамериканских связей видятся следующие:

- перегрев и спад рынка недвижимости, обеспечивавшего до 30 % ВВП Китая. Он обострил проблему ликвидности и платежеспособности и привел к рецессии в смежных отраслях — производстве строительных материалов и цемента (спад на 22 % в последние годы), металлургии, сталелитейной промышленности, не говоря уже о сопутствующих отраслях в виде архитектурного проектирования и ландшафтного дизайна. Китай потребляет половину мировой рафинированной меди, никеля и цинка и более 60 % железной руды. Однако проблемы со строительством новой недвижимости будут означать, что ему потребуется меньше поставок многих из этих артикулов, в частности латиноамериканских;
- нехватка энергетических ресурсов. Несмотря на массивный импорт углеводородов практически со всего мира (КНР потребляет 20 % мировой нефти) страна все же не достигла уровня нефтеобеспеченности, отвечающего потребностям ее производственного комплекса. Это обостряет вопрос об оптимизации латиноамериканско-китайской нефтяной торговли;
- последствие пандемии COVID-19 в виде нарушения и/или разрыва цепочек производства и поставок, в том числе на латиноамериканском направлении.

Спад темпов экономического роста в КНР оказывает заметное влияние на хозяйство Латинской Америки (ЛА), например, в разветвленной бразильской горнорудной отрасли. Так, цена акций бразильского горнодобывающего гиганта *Vale SA* — важного поставщика строительных материалов на мировые рынки снизилась на фоне экономического спада в КНР. *Vale* сообщила о сокращении доходов, вызванном падением цен на металлы и продаж из-за замедления экспорта стройматериалов.

Китайский импорт железной руды, иного сырья, сои и говядины способен играть важную социальную роль в ЛА. Так, он благоприятствовал экономическому буму и сокращению бедности в Бразилии в начале 2000-х гг., ибо полученные доходы левое правительство использовало для финансирования знаковых социальных программ.

Ныне же сектором, который больше всего пострадает, если ожидания по росту ВВП Китая не оправдаются, станет нефтяная отрасль. Акции бразильской *Petrobras* уже отреагировали на падение спроса в последние два года. Могут пострадать и бразильские, чилийские и колумбийские горнодобывающие компании при снижении китайского спроса на медь и уголь. Китай потребляет около 50 % мировой меди, потому замедление его роста напрямую скажется на чилийском товарообороте, в котором экспорт меди занимает 45 % всех торговых поставок Чили за рубеж.

В торговле с Китаем взамен на свое сырье, полезные ископаемые, нефть и продовольствие Латинская Америка получает готовую продукцию. Поэтому снижение темпов промышленного производства в КНР и/или повышение цен на его товарный ассортимент напрямую повлияет на степень обеспеченности региона товарами (высокой) добавленной стоимости, включая наукоемкую номенклатуру.

При этом международные эксперты отмечают, что спад в Китае играет на пользу ЛА, ибо международный финансовый и инвестиционный капитал стал переориентироваться с КНР на латиноамериканский континент. А Пекин сократил объемы своих зарубежных капиталовложений и кредитования. За последние 10 лет Китай инвестировал более 1 трлн долл. в проекты в рамках инициативы «Пояс и путь» (участниками ИПП является 21 страна Латинской Америки), но по мере обострения его экономических проблем приверженность Китая этим проектам, похоже, ослабевает, о чем в частности свидетельствует снижение объемов китайского кредитования и инвестирования по латиноамериканскому треку.

И.С. Виноградов

ИПП В АСЕАН: УСПЕХИ И ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ (К 10-ЛЕТИЮ ИПП)

Аннотация. Сотрудничество в рамках инициативы отвечает потребностям стран АСЕАН в развитии инфраструктуры. Запуск флагманских проектов инициативы — железной дороги Китай—Лаос и ВСМ Джакарта—Бандунг — демонстрирует успешный экспорт передовых китайских технологий. В Таиланде, Малайзии и Мьянме реализация флагманских мегапроектов после длительных переговоров и пересмотра условий в настоящее время вступила в стадию реализации. Вьетнам пока воздерживается от реализации флагманских проектов ОПОП, но у Китая есть перспективы участия в крупных железнодорожных проектах в стране. На Филиппинах конфронтационная внешняя политика нынешнего руководства в отношении Китая привела к приостановке всех запланированных проектов ОПОП.

Ключевые слова: Китай, АСЕАН, Инициатива Пояс и путь (ИПП), инфраструктура.

Автор: Илья Сергеевич ВИНОГРАДОВ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Китая и современной Азии РАН. ORCID: 0000-0002-5572-3471. E-mail: vinbel19@mail.ru

I.S. Vinogradov

**BRI in ASEAN: successes and implementation features
(on the 10-th anniversary of BRI)**

Abstract. Cooperation under the BRI meets ASEAN countries' needs for infrastructure development. The launch of the BRI's flagship projects — the China-Laos Railway and the Jakarta-Bandung HSR demonstrate the successful export of Chinese advanced technologies.

In Thailand, Malaysia and Myanmar, the implementation of flagship mega-projects of the BRI, after lengthy negotiations and revisions of terms, has now entered the implementation stage.

Vietnam has so far refrained from implementing flagship BRI projects, but there are prospects for China to participate in major railway projects in the country.

In the Philippines, the current leadership's confrontational foreign policy towards China has led to the suspension of all planned BRI projects.

Keywords: China, ASEAN, Belt and Road Initiative (BRI), Infrastructure.

Author: Ilia S. VINOGRADOV, Ph.D (History) Senior Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, ORCID: 0000-0002-5572-3471. E-mail: vinbel19@mail.ru

Китай рассматривает АСЕАН как приоритетное направление своей соседской дипломатии и ключевой регион для качественного совместного строительства ИПП .

В странах АСЕАН ИПП сосредоточен на реализации инфраструктурных мегапроектов, что соответствует национальным стратегиям стран АСЕАН в развитии «жесткой» инфраструктуры и сопряжен с Генеральным планом АСЕАН по обеспечению связанности её членов до 2025 г.

Китайские мегапроекты направлены на повышение связанности Китая со странами АСЕАН. Руководства КНР придает стратегическое значение развитию нового сухопутно-морского транспортного коридора, связывающего внутренние западные регионы КНР с прибрежной зоной в ЮВА. Отдельно стоит выделить роль механизма сотрудничества «Ланьцан—Меконг» в деле дополнительной интенсификации сотрудничества в рамках ИПП с материковыми странами АСЕАН. Одним из ключевых направлений данного механизма является развитие связанности.

Именно с запуском ИПП стала на практике реализовываться давняя идея создания паназиатской железнодорожной сети с центральной осью Куньмин—Бангкок—Сингапур.

Китай предоставляет широкие финансовые и технологические возможности и уже стал лидером среди внешних партнеров АСЕАН по финансированию инфраструктурных проектов.

Реализация мегапроектов ИПП демонстрирует успешный пример экспорта китайских передовых технологий. Тому свидетельство запуск ряда флагманских проектов ИПП. 3 декабря 2021 г. была запущена китайско-лаосская железная дорога, построенная за 6 лет по китайским технологиям и стандартам. Строительство лаосского участка осуществляла совместная компания на 70 % принадлежащая Китаю и было профинансировано Эксимбанком КНР.

В 2022 г. с открытием логистического центра в пригороде Вьентьяна стал функционировать транспортный коридор Китай-Лаос-Таиланд.

Несмотря на рост финансовой зависимости Лаоса от КНР и фактической передачи контроля над критической инфраструктурой Пекину, именно благодаря Китаю Лаос реализует свою стратегию превращения страны не имеющей выхода к морю в страну «связанную сухопутными путями».

Важным событием в год 10-летия ИПП стала сдача в эксплуатацию в октябре 2023 г. высокоскоростной железнодорожной магистрали Джакарта—Бандунг. ВСМ строилась в консорциуме China Railway International и 4-х индонезийских государственных компаний и на 75 % финансировалась Банком развития Китая.

В Таиланде, Малайзии и Мьянме флагманские мегапроекты ИПП после длительных переговоров и пересмотров условий в настоящее время вышли на стадию реализации.

В Таиланде China State Construction Engineering Co. осуществляет строительство первого участка северо-восточной высокоскоростной железнодорожной магистрали (ВСМ). Бангкок отклонил предложение Пекина по предоставлению кредита из-за высоких процентных ставок и сам занимается поиском источников финансирования проекта, в свою очередь, китайская сторона занимается технологическим обеспечением проекта.

Новое правительство Малайзии во главе с Анваром Ибрагимом в 2022 г. вновь инициировало реализацию проекта железной дороги Восточного побережья, который ранее был заморожен.

После военного переворота 2021 г. руководство Мьянмы в условиях международных санкций вновь активизировало свое сотрудничество в рамках ИПП. В частности, начались подготовительные работы по строительству железной дороги Кьяукпью—Мандалай — участ-

ка будущей железной дороги связывающей китайскую провинцию Юньнань с портом в Кьяукпью.

После подписания дополнительного соглашения к концессионному договору в декабре 2023 г. правительство Мьянмы похоже окончательно одобрило реализацию СЭЗ и глубоководного порта в Кьяукпью.

На Филиппинах конфронтационный внешнеполитический курс нынешнего руководства по отношению к Китаю привел к приостановке всех намеченных мегапроектов ИПП.

Вьетнам пока воздерживается от реализации флагманских проектов ИПП, однако есть перспективы участия Китая в крупных железнодорожных проектах в этой стране. В частности, стороны уже ведут переговоры по проекту железной дороги Лаокай—Ханой—Хайфон и последующее соединение с китайской железнодорожной сетью.

Ю.В. Морозов

МИРОТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КИТАЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ

Аннотация. В данных тезисах описывается эволюция взглядов китайского руководства на миротворчество, операции ООН с участием китайских «голубых касок» и их подготовка к выполнению поставленных задач, а также вклад Китая в стабилизацию ситуации в мире. Анализ этих составляющих внешнеполитической стратегии Китая показывает, что активное участие Китая в миротворческой деятельности ООН является одним из способов защиты его национальных интересов в экономически важных регионах мира и рычагом влияния на военные конфликты, угрожающие миру и безопасности на планете.

Ключевые слова: ООН, Китай, миротворчество, миссии, операции, конфликты, «голубые каски».

Автор: Морозов Юрий Васильевич, ведущий научный сотрудник Института Китая и современной Азии РАН, кандидат военных наук. ORCID: 0000-0003-2047-6420. E-mail: morozovyury51@yandex.ru

Y. V. Morozov

Peacemaking as an integral part of China's foreign policy strategy

Abstract. This thesis describes the evolution of the Chinese leadership's views on peacekeeping; UN operations involving Chinese Blue Helmets and their preparation for their tasks; as well as China's contribution to stabilizing the situation in the world. An analysis of these components of China's foreign policy strategy indicates that China's active involvement in UN peacekeeping is one of the ways to protect its national interests in eco-

nomically important regions of the world and a lever to influence military conflicts that threaten peace and security on the planet.

Keywords: UN, China, peacekeeping, missions, operations, conflicts, blue helmets.

Author: Yuri V. MOROZOV, Leading Researcher at the Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, Candidate of Military Sciences. ORCID: 0000-0003-2047-6420.

E-mail: morozovyury51@yandex.ru

В последнее время в Совбезе ООН из-за спецоперации ВС РФ на Украине усилилось противостояние между постоянными её членами — Россией и западными державами, которые накладывают свое вето на инициативы друг друга, что снижает эффективность миротворческих усилий ООН. На этом фоне Китай по отношению к СВО занял нейтральную позицию и усилил свою миротворческую активность в важных для его национальных интересов регионах мира. Хотя в 60—80 гг. прошлого века руководство КНР весьма скептически относилось к миротворческим усилиям ООН, обычно занимая пассивную позицию в Совбезе ООН, если только они не были связаны с решением проблемы Тайваня. Однако по мере роста могущества Китая и его вовлеченности в международные дела, отношение руководства КНР к миротворчеству стало меняться. Поэтому начиная с 2021 г. Китай является вторым, после США, источником начисления взносов на операции ООН по поддержанию мира. Параллельно Пекин наращивает численность своего миротворческого контингента, предоставляемого ООН. В тоже время он воздерживается от комментариев о возможном участии китайских миротворцев в двух самых противоречивых конфликтах современности — сирийском и украинском.

Среди широкого круга задач, которые выполняют миротворцы в «горячих точках» планеты, есть две, решение которых приносят большие дивиденды стране/альянсу государств, участвующие в миротворческих акциях, по поводу которых не очень любят говорить политики.

Одной из них является стратегическая, решение которой позволяет им под прикрытием мандата ООН закрепить свое военное присутствие в районах мира, являющихся важными для их национальных интересов. Ярким примером тому является операция НАТО «Союзная сила» против Союзной Республики Югославии, проведенная в 1999 г. без санкции на то Совбеза ООН, в ходе которой альянс, сначала разбомбил эту страну, а затем признал правомерность нелегитим-

ного отделения от неё Косово, впоследствии создав на его территории свою крупнейшую военную базу на Балканах.

Что касается решения другой задачи — экономической, то после окончания военных конфликтов в регионах мира при помощи «голубых касок» у государства-миротворца появляется шанс упрочить свои позиции в этих регионах, особенно в богатых природными ресурсами. В этих целях в след за миротворцами в этих регионах незамедлительно появляются десятки готовых к риску бизнес-структур и неправительственных организаций из этого государства, которые как правило, выигрывают тендеры на послевоенное восстановление экономики и разработку там полезных ископаемых в бывшей зоне конфликта. Поэтому отнюдь не случайно более 80 % китайских миротворцев участвуют в миротворческих миссиях ООН на Африканском континенте. Помимо этого, активное участие китайских «голубых касок» в миссиях ООН в Африке — является эффективным способом вытеснения оттуда экономических конкурентов КНР.

На Ближнем Востоке руководство Китая считает одной из своих первостепенных задач — обеспечение безопасности судоходства в Малаккский и Баб-эль-Мандебский проливы, поскольку большая часть китайского импорта энергоресурсов доставляется через эти проливы. В этих целях в Джибути была создана китайская военная база, которая позволяет контролировать морские пути поставок энергоресурсов в КНР из стран Персидского залива через эти проливы. Плюс к этому китайские стратеги внимательно наблюдают за военно-политической ситуацией в Баб-эль-Мандебском проливе, где расположен йеменский остров Перим/Маюн, на котором, очевидно, Китай планирует расположить свою вторую военную базу на Ближнем Востоке, тем более что военно-политическая ситуация в этом регионе продолжает накаляться.

Таким образом, за короткий исторический период китайское руководство научилось успешно пользоваться «обоюдоострым оружием миротворчества», который одной из своих сторон прекращает/нейтрализует военные конфликты, а другой — обеспечивает защиту национальных интересов в «горячих точках» планеты.

К.В. Асмолов

ПОЛИТИКА КИТАЯ НА КОРЕЙСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

Аннотация. Тезисы анализируют стратегические тренды отношения Китая с государствами Корейского полуострова и отмечают некоторые тактические изменения, характерные для первой половины 2024 года. Отношения между Китаем и КНДР в целом продолжают развиваться в рамках прежней риторики о «нерушимой дружбе, скрепленной кровью и основанной на дружбе братских социалистических партий», однако есть некоторые признаки недовольства стремительным сближением Пхеньяна и Москвы.

Ключевые слова: глобальная турбулентность, отношения Китая и Республики Корея, отношения Китая и КНДР, антикитайские настроения в СМИ Южной Кореи, трехсторонний саммит КНР—Япония—Южная Корея 2024 г.

Автор: Асмолов Константин Валерианович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0003-1584-2748. E-mail: kvasm@mail.ru; asmolov@iccaras.ru

К. V. Asmolov

China's policy in the Korean direction

Abstract: In this text we analyze the strategic trends in China's relations with the states of the Korean Peninsula and pay attention at some tactical changes characteristic of the first half of 2024. Relations between China and the DPRK as a whole continue to develop in the same rhetoric of “unbreakable friendship cemented by blood and based on the friendship of

fraternal socialist parties,” however, there are some signs of dissatisfaction with the rapid rapprochement between Pyongyang and Moscow.

Keywords: global turbulence, China–Republic of Korea relations, China–DPRK relations, anti-Chinese sentiments in South Korean media, China–Japan–South Korea 2024 trilateral summit.

Author: Konstantin V. ASMOLOV, Ph.D (History), Leading Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Ave., Moscow, 117997, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-1584-2748.

E-mail: kvasm@mail.ru; asmolov@iccaras.ru

Отношения Китая и КНДР в целом продолжают развиваться в прежней риторике «нерушимой дружбой скрепленной кровью и основанной на дружбе братских социалистических партий». В марте Пекин посещала делегация, которую возглавлял заведующий международным отделом ЦК ТПК (Трудовая партия Кореи) и профессиональный Китаист Ким Сон Нам, встречавшийся с членом Постоянного Комитета Политбюро КПК Ван Хунином и заведующим отделом международных связей Лю Цзяньчао. С 11 по 13 апреля 2024 г. КНДР посещала партийно-правительственная делегация Китая во главе с председателем Постоянного комитета ВСНП Чжао Лэцзи (третье лицо в политической иерархии КНР), который был принят Ким Чен Ыном.

В совместном заявлении, принятом по итогам встречи президента РФ В.В. Путина и председателя КНР Си Цзиньпина (Китай 16—17 мая 2024 г.), стороны выступили «против актов военного запугивания со стороны США и их союзников, которые способствуют эскалации конфронтации с Северной Кореей, а также могут привести к вооруженным инцидентам и росту напряженности на Корейском полуострове».

Развиваются взаимобмены. В мае 2024 г. Северная Корея одобрила въезд более 80 китайских студентов, желающих учиться на Севере после многих лет карантина. Параллельно возобновляется трансграничный трафик, в том числе выдача перебежчиков, которых в Китае называют нелегальными экономическими мигрантами, а на Западе и РК объявляют «политическими беженцами», критикуя Пекин за то, что он «выдает их на смерть».

СМИ КНДР по-прежнему выражают поддержку Китаю в его противостоянии США, однако можно отметить несколько новых трендов. Во-первых, определенное давление на просеверокорейские структуры в Китае. Пекин пытается свести подобную активность ис-

ключительно к церемониальной, препятствуя изучению идей чучхе на фоне идеологизации общества в духе идей Си Цзиньпина.

Во-вторых, источники частного происхождения говорят о пока неформальном недовольстве темпами сближения Москвы и Пхеньяна. Хотя поколебать китайские позиции в экономике маловероятно, а в вопросах безопасности китайцы сами признают, что северокорейцы «слушают только себя», похоже, последние действия воспринимаются как попытка выйти из-под «китайского зонтика» за счёт диверсификации связей.

В-третьих, отметим критику в СМИ усиления китайско-южнокорейских контактов. Визит главы МИД РК в КНР был охарактеризован как «заискивание», но еще интереснее критика прошедшего тройственного саммита Китай—Япония—РК в Сеуле — в Пхеньяне резко отреагировали на то, что в итоговом заявлении упоминалась «денуклеаризация корейского полуострова».

Отношения Китая и РК

В настоящий момент инициатива исходит от Сеула, что видно по визиту министра иностранных дел РК Чо Тхэ Ёля 13—14 мая в Пекин. В Сеуле же после сложной подготовки удалось провести трёхсторонний саммит Китай—Япония—РК, из повестки которого были удалены все потенциально острые вопросы. Однако итоги двустороннего общения Юн Сок Ёля и Ли Цяна отчасти указывают на то, какие вопросы Сеул и Пекин считают для себя приоритетными: договоренность о создании механизма диалога по внешней политике и безопасности в формате «2+2», возобновление работы ряда структур экономической направленности, укрепление сотрудничества в борьбе с транснациональной преступностью. Ли Цян сдержанно отреагировал на призыв Юн Сок Ёля к КНР «играть роль бастиона мира» в качестве постоянного члена Совета Безопасности ООН и «тесно сотрудничать в интересах мира и процветания международного сообщества в условиях сегодняшнего сложного геополитического кризиса».

Правительство Юн Сок Ёля не пытается вступать в конфронтацию по вопросам кроме тайваньского, но и тут Южная Корея решила не направлять на инаугурацию избранного президента Тайваня Лай Циндэ правительственную делегацию, ограничившись ответственным за контакты с Тайбэем депутатом Чо Ген Тхэ и, после протестов Пекина, подтвердив, что по-прежнему привержена политике «Единого Китая».

С другой стороны, судя по аналитическим статьям, Сеул стремится оторвать Пекин от Москвы и Пхеньяна, лелея надежду, что Китай будет выполнять функции посредника между КНДР и «международным сообществом», а то и «рычага давления».

Антикитайские настроения, связанные с «оскорблением чувств», немного уменьшились, однако их заменяют материалы СМИ, связанные с влиянием китайской диаспоры РК или низким качеством китайских товаров, в которых периодически находят вредные для здоровья вещества: таким образом пытаются сдержать выход на корейский рынок таких компаний как Алиэкспресс и их аналогов.

А. Ч. Мокрецкий

ОТНОШЕНИЯ КИТАЯ С ПОСТСОВЕТСКИМИ РЕСПУБЛИКАМИ В ПЕРИОД СВО (НА ПРИМЕРЕ ШЕСТИ ГОСУДАРСТВ)

Аннотация. Первая половина 20-х годов XXI века в отношениях КНР с постсоветскими республиками (речь идет о Беларуси, Украине и Молдове в Европе; Азербайджане, Армении и Грузии в Азии) характеризуется положительной динамикой и устойчивым ростом. Несмотря на фундаментальные изменения, происходящие в современных международных отношениях, включая Специальную военную операцию, развернувшуюся на территории Украины с 24 февраля 2022 года, и на Южном Кавказе (2-я Карабахская война, внутренние беспорядки в Армении и Грузии), Пекин последовательно проводит независимый внешнеполитический курс, в том числе в отношении региона в сфере своего геоэкономического влияния в рамках глобального проекта «Один пояс, один путь».

Ключевые слова: Китай, Беларусь, Украина, Молдова, Азербайджан, Армения, Грузия, «Один пояс, один путь», «сообщество единой судьбы».

Автор: Мокрецкий Александр Чеславович, старший научный сотрудник Центра «Россия, Китай, мир», Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117977, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID 0000-0002-5150-7747. E-mail: 88am@mail.ru

A.Ch. Mokretskii

**China's relations with the post-Soviet republics
in the period of its Independence (on the example of six states)**

Abstract: In the first half of the 20s of the XXI century the relations between the PRC and the post-Soviet republics (Belarus, Ukraine and Moldova in Europe; Azerbaijan, Armenia and Georgia in Asia) is characterized by positive dynamics and steady growth. Despite the fundamental changes taking place in modern international relations, including the Special Military Operation that has unfolded on the territory of Ukraine since February 24, 2022, and the South Caucasus (the 2nd Karabakh War, internal turmoil in Armenia and Georgia), Beijing has consistently pursued an independent foreign policy course, including the region in its orbit of geo—economic influence through the global One Belt, One Road Project (OBOR) or the Initiative of Belt and Road (IBR).

Keywords: China, Belarus, Ukraine, Moldova, Azerbaijan, Armenia, Georgia, “One Belt, One Road”, “the community of the common destiny for mankind”.

Author: Alexander Ch. MOKRETSKII, Senior Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID 0000-0002-5150-7747. E-mail: 88am@mail.ru

Всестороннее сотрудничество между Китаем и постсоветскими странами поступательно развивается в различных областях: торгово-экономической, энергетической, инфраструктурной, транспортно-логистической, гуманитарном направлении и др.

Ниже представим двусторонние отношения отдельно с каждой страной.

Беларусь (РБ), начиная с 15 сентября 2022 г., развивает «всепогодные и всесторонние отношения стратегического партнерства» с КНР, но является далеко не единственной страной, с которой Китай установил подобный тип сотрудничества. Китайско-белорусский индустриальный парк «Великий камень» является стратегически важным проектом двустороннего взаимодействия для Беларуси, подтверждающим участие в китайской инициативе «Один пояс, Один путь», как бы скептически к нему («Великому камню») не относились российские эксперты. Если не возникнет форс-мажорных обстоятельств, Беларусь станет полноправным членом ШОС на саммите глав государств в Астане в этом году.

Что касается **китайско-украинских** отношений, коронавирусные годы отметились несколькими резонансными событиями. К ним от-

носятся: национализация известного украинского предприятия «Мотор-Сич»; голосование в Совете по правам человека ООН по вопросу об уйгурах и поставки китайских вакцин на Украину. После начала СВО к «черному списку» добавились расторжения/приостановка действовавших контрактов в области сельского хозяйства, внесение 14 компаний из КНР в список «спонсоров войны» (CNPC, Sinopet Group, CNOOC и др.) и неконструктивная позиция украинского руководства. Речь идет о провокационном визите, прошедшего по стопам экс-спикера Палаты Представителей США Нэнси Пелоси, украинской делегации Верховной рады на Тайвань сразу после проведения 20-го съезда КПК; публичных оскорблениях официальных представителей КНР (в частности, бывшего посла КНР в РФ Ли Хуэя); обвинение Китая в срыве «саммита мира» в Швейцарии и др.

Молдова (РМ) в китайском понимании — экзотическое европейское государство, которое может стать частью инициативы Пояса и Пути. Для Кишинева все выглядит иначе: Китай по итогам 2022 г. стал третьим крупнейшим торговым контрагентом РМ после Румынии и Украины. Более того, Молдова желает видеть себя частью Шелкового пути.

Официальный **Баку** убежден, что страна, имеющая благоприятное географическое положение, играет роль «важного моста между Востоком и Западом». Успешно функционирующие инфраструктурные проекты, как Транскаспийский международный транспортный коридор, железная дорога Баку—Тбилиси—Карс, соединяющая Каспийское и Черное моря, Бакинский международный морской торговый порт, могут быть скоординированы с ИПП, а сопряжение «Среднего коридора» с китайской инициативой внесет важный вклад в дальнейшее развитие торгово-экономических связей, транспортно-логистических возможностей, в том числе туризма.

Как и у азербайджанской стороны, в **Армении (РА)** продвигается собственное видение инфраструктурной и транспортно-логистической «взаимосвязанности» в регионе: приоритетное внимание уделяется программе «Перекресток мира». Целью программы является соединение Персидского, Оманского заливов, Черного, Каспийского и Средиземного морей единой региональной железнодорожной сетью и дорогами «Север—Юг» и «Восток—Запад».

Грузия подняла уровень двусторонних отношений до стратегического. Это произошло во время визита бывшего премьер-министра Грузии в КНР с 26 июля по 1 августа 2023 г. Согласно принятому Совместному Заявлению, стороны намерены углубить взаимодействие в четырех направлениях: политическом, экономическом, гуманитар-

ном и международном. Важно отметить, что с 1 января 2018 г. между сторонами действует Соглашение о свободной торговле, которое содействует развитию торгово-экономической кооперации.

Таким образом, отношения Китая с шестью постсоветскими республиками продолжают устойчиво и поступательно развиваться, в целом соответствуя общим трендам расширения китайского экономического присутствия по всему миру. Все шесть стран (включая Украину, несмотря на заметное снижение темпов взаимодействия) также не выпадают из геоэкономической орбиты Пекина, создавая вместе с КНР общий узел «Одного пояса, Одного пути» и часть большой китайской семьи в формирующемся «сообществе единой судьбы человечества».

Раздел 2

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

DOI: 10.48647/ICCA.2025.49.15.009

В.Е. Петровский

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА

Аннотация. В статье рассматривается модель российско-китайского всеобъемлющего стратегического партнерства с точки зрения современной теории международных отношений, рассматриваются партнерские отношения и стратегические партнерства в современной дипломатической практике Китая, а также предлагаются характеристики и перспективы развития российско-китайского всеобъемлющего стратегического партнерства. Поскольку стратегические партнерства являются относительно новой формой международных отношений, их полноценная теория еще не сформирована, однако ученые формулируют их существенные характеристики. Теоретики признают, что всеобъемлющее стратегическое партнерство представляет собой более высокий уровень сотрудничества, чем просто стратегическое партнерство.

Ключевые слова: стратегическое партнерство, теория международных отношений, российско-китайские отношения, партнерства и альянсы, координация политики.

Автор: Петровский Владимир Евгеньевич, Зав. сектором «Россия, Китай, мир» Института Китая и современной Азии РАН, академик Академии военных наук, доктор политических наук.

ORCID: 0000-0002-7714-1341. E-mail: petrovsk4@gmail.com

V.E. Petrovskiy

Theory and practice of the Russian-Chinese strategic partnership

Abstract: The article examines the model of the Russian Chinese comprehensive strategic partnership with regards modern theory of international relations, examines partnerships and strategic partnerships in the modern diplomatic practice of China, and also proposes the characteristics and prospects for the development of Russian Chinese comprehensive strategic partnership. Since strategic partnerships are a relatively new form of international relations, their full-fledged theory has not yet been formed, however, scientists are formulating their essential characteristics. Theorists recognize that a comprehensive strategic partnership represents a higher level of cooperation than a strategic partnership.

Keywords: strategic partnership, theory of international relations, Russian Chinese relations, partnerships and alliances, policy coordination.

Author: Vladimir E. PETROVSKIY, Head Sector, "Russia, China and the World", Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences, Member, Russian Academy of Military Sciences, Ph.D.
ORCID: 0000-0002-7714-1341. E-mail: petrovsk4@gmail.com

В изучении международных отношений и внешнеполитической деятельности до сих пор не получила развития полноценная теория стратегического партнерства. Однако были предприняты шаги по формированию концепции «стратегического партнерства», в отличие от таких родственных идей, как «альянс», «коалиция» или «сообщество безопасности».

Всеобъемлющее стратегическое партнерство представляет собой более высокий уровень сотрудничества, чем стратегическое партнерство. Оно указывает на важность и значимость сотрудничества между двумя или несколькими сторонами, имеющими долгосрочные интересы; высокий уровень политического доверия; взаимное содействие друг другу, в целях реализации всестороннего сотрудничества в тех областях, в которых стороны, подписавшие его имеют общие интересы. Это партнерство ориентировано на конкретные цели, а также долгосрочное сотрудничество.

Для понимания сущности и содержания российско-китайского стратегического партнерства также важны китайские теоретические представления о партнерствах и их отражение в современной китайской дипломатической практике. Китай делает упор на «партнерствах», а не на «союзнчестве». Китай придерживается внешней политики «партнерств без альянса». Китай имеет самый высокий уровень построения партнерства с соседними странами и самую плотную

партнерскую сеть, включая всеобъемлющее стратегическое партнерство с Россией в новую эпоху.

По мнению китайских теоретиков, «стратегическое партнерство» является наиболее распространенным в современных международных отношениях, а также самым многочисленным типом партнерства в Китае. В настоящее время во внешних отношениях Китая существует более 80 пар партнерств, в которых используется слово «стратегический».

И западными, и китайскими, и российскими исследователями признается, что стратегическое партнерство между Китаем и Россией является одним из наиболее значимых в политическом, стратегическом и идеологическом плане.

Внешнеполитическая координация, как полагают в России и в Китае, играет ключевую роль в функционировании и развитии двустороннего стратегического партнерства. При этом китайские исследователи подчеркивают, что Китай и Россия не могут реально сотрудничать по всем вопросам, особенно тем, которые касаются отношений Китая и России с некоторыми третьими странами.

Однако, китайские исследователи неизменно констатируют, что фактор третьих сторон лишь в отдельных случаях положительно или отрицательно влияет на глубину и широту стратегической координации Китая и России, поскольку российско-китайское стратегическое партнерство самодостаточно, хотя и ограничено национальными интересами каждой из стран.

Как будет развиваться российско-китайское стратегическое партнерство и какое будущее его ждет? С одной стороны, в теории международных отношений устоялось представление о том, что стратегическое партнерство является одним из уровней международных отношений, находящимся между тактическим партнерством и союзничеством.

С другой стороны, лидеры наших стран неизменно подчеркивают, что российско-китайские отношения превосходят по своему уровню и содержанию традиционные военно-политические союзы и не нуждаются в соответствующем формальном оформлении.

Как бы то ни было, достигнутый Россией и Китаем уровень всеобъемлющего стратегического партнерства не представляется чем-то неизменным и необратимым, и вряд ли уместно говорить здесь о «конце истории». Сторонам следует не констатировать линейный характер развития своих отношений, а постоянно думать об их будущем развитии.

М.В. Александрова

МЕСТО ПРОВИНЦИЙ СЕВЕРО-ВОСТОКА КНР В РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ТОРГОВЛЕ

Аннотация. Возрождение Северо-востока Китая — длительный и сложный процесс. Высшее руководство КНР, находящееся на пути к возрождению региона, считает необходимым активизировать сотрудничество со своим северным соседом. Намерения по углублению и расширению российско-китайского межрегионального сотрудничества закреплены в документах, подписанных в ходе визитов глав государств Российской Федерации и Китайской Народной Республики. Из-за «узости» ассортимента производимой продукции северо-восток Китая не в состоянии увеличить экспорт в Россию за счет собственной продукции; экономика приграничных регионов сильно зависит от реэкспорта. Большая часть продукции группы компаний «Машиностроение и электроника», которая сегодня составляет основу экспорта Дунбэя в Россию, имеет восточнокитайское происхождение. И даже при помощи восточного Китая доля Дунбэя в общем объеме двусторонней торговли неуклонно снижается. Баланс товарооборота между исследуемым регионом и Россией неизменно имеет отрицательные показатели.

Ключевые слова: возрождение Северо-Востока, депрессия, Цзинь, Внутренняя Монголия, Хэйлунцзян, воднобиологическая продукция, продукция автомобилестроения, минеральное топливо, продукция сельского хозяйства, погранпереходы.

Автор: Мария Владимировна Александрова, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Российская Федерация, Москва, Нахимовский пр., 32). ORCID: 0000-0001-7257-5573.
E-mail: alexandrova@iccaras.ru

M. V. Alexandrova

The place of the provinces of the North-East of China in the Russian-Chinese trade

Abstract. The revitalization of Northeast China is a long and difficult process. The high leadership of the PRC, on the path to revitalization the region, believes it is necessary to intensify cooperation with its northern neighbor. The intentions to deepen and expand Russian-Chinese interregional cooperation are enshrined in the documents signed during the visits of the heads of state of the Russian Federation and the People's Republic of China. Due to the "narrowness" of the range of manufactured products, the northeast of China is not able to increase exports to Russia using its own products; the economy of the border regions is heavily dependent on re-exports. Most of the products of the mechanical engineering and electronics group, which today form the basis of Dongbei's exports to Russia, are of Eastern Chinese origin. And even with help from eastern China, Dongbei's share of total bilateral trade is steadily declining. The balance of trade turnover between the region under study and Russia invariably has negative indicators.

Keywords: the revitalization of Northeast China, depression, Jilin, Inner Mongolia, Heilongjiang, aquatic biological products, automotive products, mineral fuel, agricultural products, border crossings.

Author: Maria V. ALEXANDROVA, Ph.D (Economics), Leading Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Ave., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-7257-5573.

E-mail: alexandrova@iccaras.ru

На пути всестороннего содействия великому возрождению китайской нации Председатель КНР выдвинул новые стратегические меры по всестороннему возрождению Северо-Восточного Китая. В докладе на XX съезде КПК в разделе «Содействовать скоординированному развитию регионов» вновь подчеркивалась необходимость «достижения новых прорывов в деле всестороннего возрождения северо-восточного региона». Подобное «возрождение» депрессивного северо-восточного Китая без углубления и расширения сотрудничества с РФ крайне затруднительно, поэтому в ходе последних лет в совместных заявлениях по результатам встреч руководителей наших стран на высшем уровне в обязательном порядке присутствует предложение об экономическом сотрудничестве северо-востока КНР и российского Дальнего Востока.

В 2023 г. суммарный двусторонний торговый оборот РФ—КНР вырос до 240,11 млрд долл. при этом значимость Дунбэя снизилась до

19,49 %. Сальдо торгового баланса России с рассматриваемым регионом стабильно положительное, максимальная его величина была достигнута в 2022 г., когда оно составило (+) 26,41 млрд долл.

У **провинции Цзилинь** в торговле с Россией самые минимальные показатели. В 2021 г. товарооборот с Россией увеличился в 2 раза, что было связано с резким увеличением импорта Цзилиня из Приморья воднобиологической продукции. 2022 год внес новые коррективы в экспортные поставки Цзилиня в Россию. На фоне обострения отношения запада к нашей стране российские импортёры нарастили объём импорта автозапчастей, а затем и готовых автомобилей. Увеличилась доля России во внешнеторговом обороте Цзилиня, в 2023 г. этот показатель составил 17,72 %, при этом на Россию приходится 32,51 % экспорта провинции и 8,91 % импорта.

На 3-месте по обороту торговли с Россией находится **Автономный район Внутренняя Монголия (АРВМ)**. Несмотря на наличие на территории АР крупнейшего по грузообороту российско-китайского железнодорожного погранперехода показатели экспортно-импортных операций АРВМ с РФ невелики в стоимостном выражении. В общей российско-китайской торговле доля АР колеблется в диапазоне 1,8—2,5 %. Товарооборот за период с 2019 по 2023 г. увеличился в 1,8 раз, при этом экспорт в нашу страну вырос в стоимостном выражении в 6,7 раз. В период 2022—2023 гг. значительно возросли отгрузки из КНР автомобильной продукции и запчастей к ней.

Товарооборот **провинции Ляонин** с российскими регионами по итогам 2023 г. достиг 54,9 млрд юаней. Крупнейшей статьёй экспорта РФ в Ляонин является минеральное топливо, также мы экспортируем пищевую продукцию, металлы, древесину. Ляонин экспортирует электротехническое оборудование, продукцию машиностроения и химии. Важным стимулом к расширению экспорта российской пищевой продукции стали выставки «Сделано в России» прошедшие в январе—феврале 2024 г. крупнейших городах провинции. Цель мероприятия — повысить узнаваемость российской агропромышленной продукции, ее качества и уникальности среди конечного китайского потребителя.

Главным «мостом» в Россию является **провинция Хэйлунцзян**. В 2023 г. доля России в суммарных ВТО провинции достигла своего максимума — 70,64 %. За рассматриваемый период доля нашей страны в ВТО Хэйлунцзяна изменялась от 68 % в 2019 г. до минимума 51,67 % в 2022 г. В 2023 г. импорт Хэйлунцзяна из России в основном был представлен сырой нефтью, природным газом, зерном, углем, металлическими рудами, целлюлозой, продуктами из нее и т. д.

Основными товарами, экспортируемыми в Россию, были электромеханическая продукция, одежда и текстильная продукция, продукция сельского хозяйства, а также высокотехнологичные товары.

Следует отметить, что, несмотря на протяженную границу между нашими странами и наличием большого количества действующих погранпереходов, по объективным причинам товарооборот северо-востока КНР с РФ сильно отстает от восточных провинций. Экономика приграничных районов сильно зависит от реэкспорта. Большая часть продукции машинотехнической и электронной группы, которая сегодня составляет основу экспорта Дунбэя в РФ имеет восточнокитайское «происхождение».

В заключении следует отметить, что:

- за последние 10—15 лет сформировалась устойчивая структура экспорто-импортных поставок по линии межрегионального сотрудничества Северо-Востока КНР и российских восточных регионов;
- потенциал роста экспорта продукции Дунбэя крайне ограничен, в связи с отставанием промышленности;
- для российских восточных регионов помимо увеличения объемов экспорта продукции ТЭК, важным направлением является рост стоимостных и физических объемов экспорта продукции сельского хозяйства и пищевкусовой промышленности.

А.К. Криворотов

ТРЕУГОЛЬНИК «РОССИЯ—КНР—НАТО» В НОВОЙ АРКТИКЕ

Аннотация. В начале 21-го века среди всех внерегиональных государств Китай продемонстрировал наибольший интерес к исследованию, развитию и управлению Арктикой. Это вызвало растущую обеспокоенность в области безопасности на Западе. В феврале—марте 2022 г. США консолидировали западные арктические страны на антироссийской и антикитайской основе, разделив регион и сделав Россию наиболее естественным партнером Китая в Арктике. Обе страны приветствуют расширение сотрудничества. Тем не менее, Россия сталкивается с серьезными трудностями, пытаясь совместить свой арктический «поворот на Восток» с интенсивным развитием национальной исследовательской и промышленной базы.

Ключевые слова: Арктика, российско-китайские отношения, США, раскол, прогноз.

Автор: Андрей Константинович Криворотов, кандидат экономических наук, доцент Одинцовского филиала Московского государственного института международных отношений (МГИМО) при Министерстве иностранных дел России.

A.K. Krivorotov

The Russia—China—NATO Triangle in the New Arctic

Abstract: In the early 21st century, if we speak about non-regional nations, China has demonstrated the most consequent interest to exploring, developing and governing the Arctic. Such a situation caused growing security concerns in the West. In February-March 2022, the U.S. consolida-

ted the western Arctic countries on anti-Russian and anti-Chinese basis, splitting the region and making Russia the most natural Arctic partner for China. Both countries welcome an increased cooperation. Still, Russia faces major challenges in combining its Arctic 'Pivot to the East' with an intensified development of the national research and industry base.

Keywords: Arctic, Russia-China relations, United States, split, forecast

Author: Andrey K. KRIVOROTOV, Ph.D. (Econ.) is an Assistant Professor in Odintsovo branch, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO) under the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

Сквозными тенденциями в мировой Арктике XXI в. стали неуклонный рост политического интереса к ней, смещение акцентов с проблематики ресурсов и сотрудничества в сторону климата и военно-политических аспектов, активное проникновение третьих стран и организаций. Среди внерегиональных государств наиболее масштабный и системный подход демонстрировала КНР, делая упор на мирные научные исследования, инвестиционные проекты и, в рамках своего позиционирования как «приарктической страны», на участие в глобальном управлении Арктикой. Китайский фактор играл в изучении и освоении региона растущую роль, особенно на фоне длительной пассивности США. Так, доля статей американских ученых о Северном Ледовитом океане в рецензируемых журналах сократилась примерно с 30 % в 2000—2009 гг. до 15 % в 2020—2024 гг., а у авторов из КНР — выросла с 2 до 10 % (у России стабильно держится на уровне 9 %).

Начавшаяся в 2008 г. полоса кризисных потрясений и глубокой трансформации мировой экономики, резкий рост числа и неоднородности арктических акторов объективно усиливали международные противоречия в Арктике. К началу 2020-х годов они вылились в достаточно жесткую идейную борьбу по выбору принципиальных направлений дальнейшего развития. В качестве основных «развилок» выделяются следующие:

- 1) оптимальное место человека в Арктике: свести его присутствие к минимуму по природоохранным (особенно климатическим) соображениям или же продолжать устойчивое развитие региона;
- 2) целевой политический образ Арктики: считать ее уникальной лабораторией международного сотрудничества по решению общих проблем или же ареной нового геополитического противоборства;
- 3) организация управления Арктикой: доверить его восьми арктическим странам — постоянным членам АС (или даже более узкой «Илулиссатской пятерке» прибрежных государств) либо расширять

полномочия внерегиональных игроков, вплоть до объявления Арктики «общим благом» человечества.

Проведенный нами анализ арктических стратегий, принимаемых различными государствами и Евросоюзом с 2006 г., свидетельствует об их нарастающей поляризации. В частности, глубоко различных подходов придерживаются действующие стратегии России (2020 г.), КНР (2018 г.) и США (2022 г.). При этом американская, единственная принятая уже после начала украинских событий, отличается наиболее узкой повесткой: консолидация Запада на антироссийской и антикитайской основе, а также ускоренная «зеленая трансформация», включая свертывание базовой для Аляски нефтегазовой отрасли.

С февраля—марта 2022 г. в мировой Арктике возобладали деструктивные американские подходы, в жестком виде был установлен примат политики над экономикой. Страны Запада резко свернули почти все контакты с Россией, которая, в свою очередь, приглашает к взаимодействию конструктивно настроенные неарктические государства. Арктику вновь ожидает длительное существование в разобщенном виде, но на сей раз, впервые в истории, при широком вовлечении внерегиональных игроков (государств Азии, Центральной и Южной Европы, структур БРИКС, ЕС, НАТО и др.). При этом из-за смещения внимания Запада в район «Индопацифики» глобальная приоритетность Арктики будет снижаться.

В зарубежных арктических государствах, которые теперь все входят в НАТО, под руководством США сформировано настороженно-негативное отношение к арктической активности КНР как источнику информационных, экономических, а потенциально — и военно-политических угроз. Россия становится главной, а часто единственной площадкой для проникновения Китая в Заполярье. Это отвечает намерениям обеих сторон, но дополнительно актуализирует для нашей страны задачу эффективного сопряжения «поворота на Восток» (в том числе в Арктике) с развитием национальной научно-производственной базы. Пример возникающих вызовов — недавняя инициатива «Норильского никеля» по закрытию градообразующего медного завода в Норильске с переброской его в КНР. Решение видится в глубокой согласованной корректировке региональной, промышленной и внешнеэкономической политики с учетом изменившейся международной обстановки.

Раздел 3

РОССИЯ И КИТАЙ В КОНТЕКСТЕ СИТУАЦИИ В ЕВРАЗИИ

DOI: 10.48647/ICCA.2025.51.93.012

А.Ф. Клименко

ПОЗИЦИЯ СТРАН ШОС И ОДКБ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ НА ФОНЕ РОССИЙСКО-УКРАИНСКОГО КОНФЛИКТА

Аннотация. Доминирующим фоном формирования ситуации в мире являются процессы глобализации и региональной реинтеграции, существенно влияющие на обновление системы международных отношений. Соперничество глобальных и региональных центров привело к тому, что мир не стал и в ближайшей перспективе не станет более стабильным и безопасным. Причём появление новых угроз, изменений в их характере и масштабах происходят быстрее, чем государства и международные институты обретают способность им противодействовать.

Российско-украинский конфликт является одним из проявлений изменений в миропорядке и ситуации в сфере безопасности. Он высветил возможные негативные последствия дисбаланса сил не только на востоке Евразии, но и привел к геополитическим сдвигам в мире.

Все эти факторы оказали серьёзное и неоднозначное влияние на отношение партнёров России по ОДКБ и ШОС к происходящим событиям, а также на функциональное наполнение этих Организаций, что требует уточнения стратегии их дальнейшего развития.

Ключевые слова: Россия, Украина, специальная военная операция, коллективный Запад, Шанхайская организация сотрудничества, Организация Договора о коллективной безопасности, безопасность.

Автор: Клименко Анатолий Филиппович, кандидат военных наук, ведущий научный сотрудник Центра «Россия, Китай и мир» Института Китая и современной Азии РАН.
ORCID: 0000-0003-4925-6229. E-mail: klimenko46@mail.ru

A.F. Klimenko

The position of the SCO and CSTO countries in the international arena against the background of the Russian-Ukrainian conflict

Abstract. The Russian-Ukrainian conflict is one of the manifestations of changes in the world order and the security situation. The conflict highlighted the possible negative consequences of the imbalance of forces not only in the east of Eurasia, but also led to geopolitical shifts in the world.

All these factors had a serious and ambiguous impact on the attitude of Russia's CSTO and SCO partners to the events taking place as well as on the functional content of these organizations. There is the need for them to clarify the strategies for further development.

Keywords: Russia, Ukraine, special military operation, collective West, Shanghai Cooperation Organization, Collective Security Treaty Organization, security.

Author: Anatoly F. KLIMENKO, Candidate of Military Sciences, Leading Researcher at the Center “Russia, China and the World” of the Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0003-4925-6229. E-mail: klimenko46@mail.ru

Доминирующим фоном формирования ситуации в мире являются процессы глобализации и региональной реинтеграции, существенно влияющие на обновление системы международных отношений. Соперничество глобальных и региональных центров привело к тому, что мир не стал и в ближайшей перспективе не станет более стабильным и безопасным. Причём появление новых угроз, изменений в их характере и масштабах происходят быстрее, чем государства и международные институты обретают способность им противодействовать.

Предыстория «украинских событий» подробно освещена в СМИ. Напомним лишь, что пришедший к власти на Украине режим взял курс на конфронтацию с Россией и вступление в НАТО. Следствием этих событий стал геноцид тяготеющего к России русскоязычной части её населения, с чем не могли согласиться, мягко говоря, в России.

После игнорирования США и НАТО требований РФ о предоставлении ей гарантий невступления в альянс Украины и Грузии, а также отказа от ведения любой военной деятельности на территории Украины, Восточной Европы, Закавказья и Центральной Азии, Россия начала СВО на Украине.

Как известно, СВО получила негативную оценку Совбеза ООН. Включение в состав России новых украинских областей вызвало отрицательную реакцию и введение против неё санкций США и ЕС. Наряду с этим, важнейшим следствием российско-украинского конфликта стало зарождение процесса пересмотра мирового порядка и глобального баланса сил. На одном полюсе и во главе этого процесса — США с ЕС. На другом — Россия, Китай и не разделяющие их политику страны Глобального юга. Среди них государства СНГ, Азии, Африки и Южной Америки. Их отношения с Россией и Китаем, с одной стороны, США и ЕС — с другой, могут значительно повлиять на расстановку сил в мире.

При этом нельзя не отметить, что страны Центральной Азии после начала СВО взяли нейтралитет и до сих пор стараются лавировать между Россией и странами Запада. Запад же не оставляет попыток повлиять на внешнеполитические приоритеты данных стран и внести разлад в их отношения с Россией. Все это дестабилизирует обстановку в регионе.

Большинство из этих стран являются партнёрами России или по ШОС, или по ОДКБ. О растущей роли обеих Организаций в построении нового миропорядка, их достоинствах и недостатках много говорилось на наших форумах. Поэтому сосредоточимся лишь на оценках, прозвучавших на майском с.г. заседании Совета министров иностранных дел государств — членов ШОС.

Как отметили многие комментаторы, с учетом глобальных перемен на площадке ШОС идёт поиск новых механизмов и новых идей в деле взаимодействия государств в мире. По мнению депутата Госдумы С. Маркова, сегодня ШОС превратилась во влиятельную организацию. С самого начала она была создана для того, чтобы остановить экспансию радикального исламизма из Афганистана в страны Центральной Азии и в исламские регионы Китая и России. Эту задачу ШОС выполнила, создав с ОДКБ систему региональной безопасности. Но сегодня ШОС воспринимается как некая альтернатива американоцентричному миру и, наряду с БРИКС, являются проектом нового мироустройства, полагает Марков.

Справедливо отмечено «внутришосовское» противоречие, которое состоит в том, что ШОС включает страны, союзные России и Ки-

таю и в то же время страны, находящиеся в орбите влияния западных государств. Кстати, это верно и в отношении ОДКБ, отдельные члены которой взаимодействуют в регионе с НАТО. На наш взгляд, этот вопрос является дискуссионным. И об отрицательных последствиях такого явления для региональной безопасности неоднократно обращалось внимание в нашем институте.

По заявлению официального представителя МИД РФ М. Захаровой, ШОС может стать гарантом евразийской безопасности и «частью несущей конструкции» общемировой безопасности. И она имеет все возможности, чтобы стать опорой многополярного устройства и движущей силой преобразования Евразии в единое общееконтинентальное пространство. В том числе, стать гарантом евразийской безопасности.

Что для этого требуется? Во-первых, объединение потенциалов, для чего есть все возможности. Во-вторых, схожесть, а где-то и единство взглядов на международные процессы — и это есть у участников ШОС. И, в-третьих, имеется и геополитический контекст — все участники находятся в едином пространстве. Действительно, пришел исторический период, который говорит о том, что Организация состоялась и будет важным элементом построения системы евразийской безопасности, — подчеркнула Мария Захарова. И добавим, совместно с ОДКБ и БРИКС — частью конструкции системы общемировой безопасности.

В заключении отметим, что на фоне трансформаций международной обстановки становится очевидной задача сплочения России, Китая, Ирана и Индии, прежде всего, в формате ШОС, а также их тесное взаимодействие с партнерами по другим международным структурам с целью повышения способности противостоять агрессивным действиям коллективного Запада.

ШОС может и должна стать своеобразным «ядром», вокруг которого могли бы сплотиться остальные государства, входящие в ОДКБ, СНГ, ЕАЭС, а впоследствии и в БРИКС. Но для этого нужно вести целенаправленную работу по консолидации усилий и нацеленности названных форматов политического, экономического и военного сотрудничества на решения общих задач по обеспечению стабильности и безопасности в Большой Евразии и в мире, в целом.

С.Л. Сазонов

СУАР ПРЕВРАЩАЕТСЯ В ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР СТРАН ШОС

Аннотация. Активное внедрение КНР в страны Центральной Азии стало естественным результатом превращения этого региона в узловое звено Евразийского транспортного коридора. КНР непосредственно граничит с Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном, небольшое расстояние отделяет ее от Узбекистана и Туркменистана. Географическая близость Центральной Азии, относительная политическая стабильность в регионе, реальная возможность создания доступных транспортных коридоров, а также проводимая центральноазиатскими государствами политика диверсификации экспорта при большей независимости от России — все это делает Центрально-азиатский регион чрезвычайно привлекательным для Китая.

Ключевые слова: Китай, Евразия, Синьцзян-Уйгурский автономный район, зона свободной торговли, транзит, пограничный переход, экспорт, транспортный коридор.

Автор: Сазонов С.Л., кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра «Россия, Китай, мир» Института Китая и современной Азии РАН. ORCID: 0009-0006-1712-3914.

E-mail: sazonovch@mail.ru

S.L. Sazonov

**XUAR is turning into a transport and logistics center
of the SCO countries**

Abstract. The active introduction of the PRC into the countries of Central Asia is a natural result of the transformation of this region into a hub of the Eurasian Transport Corridor. China borders Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Tajikistan directly, with a short distance separating it from Uzbekistan and Turkmenistan. The geographical proximity of Central Asia, the relative political stability in the region, and the real possibility of creating accessible transport corridors, adding the policy of export diversification pursued by the Central Asian states with greater independence from Russia — all these factors make the Central Asian region extremely attractive to China.

Keywords: China, Eurasia, Xinjiang Uygur Autonomous Region, free trade zone, transit, border crossing, export, transport corridor.

Author: Sergei L. SAZONOV, Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher at the Center “Russia, China, the World” of the Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences.
ORCID: 0009-0006-1712-3914. E-mail: sazonovch@mail.ru

В конце 2023 г. Государственный совет Китайской Народной Республики издал циркуляр о формировании зоны свободной торговли СУАР, которая, по замыслу китайского руководства, должна превратиться в центральное звено, через которое будут проходить транзитные евразийские и паназиатские маршруты. План создания этой зоны не ограничивается только решением транспортных проблем, хотя и составляет ее ядро. Он обеспечивает Китаю экономическое и, следовательно, политическое влияние в странах Центральной Азии.

Зона свободной торговли СУАР стала 22-й пилотной ЗСТ Китая и первой в северо-западных административных единицах провинциального уровня КНР. Зона официально начала свою деятельность 1 ноября 2023 г., будет иметь общую площадь 179,66 кв. км (что больше, чем существующие зоны свободной торговли в других частях Китая, площадь которых обычно не превышает 120 кв. км) и охватывать три территории — в столице региона Урумчи, городских округах Кашгар (Каши) и Хоргос.

В рамках одного из флагманских проектов по строительству центральной зоны «Экономического пояса Шелкового пути» в 2023 г. правительство завершило строительство нескольких функциональных зон, включая «комплексную таможенную зону Урумчи», «центр консолидации Китайско-европейского экспресса» и «мультимодальный транспортный центр Урумчи». Отправляясь из центра консолидации

Урумчи, поезда, следующие на запад, могут добраться до Казахстана за два дня, России — за восемь дней и Нидерландов — за 16 дней.

В циркуляре отмечается, что городской округ Хоргос намерен использовать свои преимущества в качестве центра международного сотрудничества для развития современных отраслей услуг, таких как трансграничная логистика, финансовые услуги, а также стать образцом в трансграничном инфраструктурном сотрудничестве со странами Центральной Азии. КПП Хоргос — это один из ближайших пограничных переходов к странам Центральной Азии и Европе и, по данным таможенного управления Хоргос, с тех пор, как в 2016 г. через железнодорожный КПП Хоргос прошел первый грузовой поезд «Китай—Европа», количество транзитных поездов увеличилось с менее чем 700 до более чем 6,2 тыс. в 2023 г. Через КПП проходят 18 железнодорожных линий в 19 стран, в том числе в Германию, Польшу и Бельгию, перевоза более 200 категорий грузов.

На территории округа Кашгар в СУАР площадью 112 057 кв. км размещены три КПП, а учитывая еще два КПП, расположенных в соседнем Кызылсу-Киргизском автономном округе СУАР, городской округ Кашгар имеет прямой выход в Пакистан, Таджикистан, Кыргызстан и Афганистан, а также служит воротами в Россию и европейские страны. 11 ноября 2023 г. в СУАР была открыта пилотная зона свободной торговли Кашгар площадью 28,48 кв. км, которая будет способствовать развитию современных отраслей услуг, таких как международная логистика и трансграничная электронная торговля, а также создаст базу по переработке и распределению товаров, соединяющую рынки Центральной и Южной Азии.

Поскольку СУАР расположен на самой западной границе Китая и граничит с восемью странами — Монголией, Россией, Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном, Афганистаном, Пакистаном и Индией — этот план имеет стратегическое значение в усилении экономической и торговой интеграции между СУАР, РФ, Центральной, Западной и Южной Азией. Следует отметить, что СУАР имеет хорошие возможности для расширения торговли и связей Китая не только с восемью соседними странами, но и служит мостом для Китая в Центральную Азию, Ближний Восток и Европу. В 2023 г. объем внешней торговли СУАР составил 357,33 млрд юаней (50,42 млрд долл.), увеличившись на 45,9 % по сравнению с 2022 г., причем ежемесячные темпы роста объема внешней торговли СУАР достигли двузначного значения в течение 26 месяцев подряд. Автономный район занял второе место в Китае по темпам роста объема внешней торговли среди всех административных единиц провинциального уровня КНР и впервые

в истории объем внешней торговли СУАР превысил 350 млрд юаней. В 2023 г. доля внешней торговли СУАР со странами, участвующими в инициативе «пояс и путь», достигла 94 % от общего объема внешней торговли автономного района по сравнению с 89 % в 2013 г.

По данным регионального коммерческого бюро, в 2023 г. объем внешнеторговых грузов, прошедших через КПП СУАР достиг рекордного уровня в 74,7 млн т, что на 8,6 % больше, чем в 2022 г., что было обеспечено повышением эффективности таможенного оформления и бесперебойной работой грузовых поездов Китай—Европа, причем время досмотра каждого поезда на таможне в 2023 г. сократилось с 70 до 35 минут. Кроме того, введенный в 2023 г. «зеленый коридор» для ускоренного таможенного оформления сельхозпродукции охватывает все восемь автодорожных КПП, граничащих с Казахстаном, Таджикистаном и Кыргызстаном. Согласно данным таможенного управления Урумчи, Центральная Азия стала крупнейшим по величине внешнеторговым рынком СУАР. В 2023 г. объем товарооборота СУАР с пятью странами Центральной Азии вырос на 51,2 % по сравнению с 2022 г., составив 79,4 % от общего объема внешней торговли СУАР за 2023 г. При этом объем торговли СУАР со своими первыми тремя крупнейшими партнерами — Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном — вырос на 70,8 %, 25,8 % и 93,4 % соответственно.

Раньше Китай использовал евразийские маршруты железнодорожного экспресса Китай—Европа, которые проходили через автономный район Внутренняя Монголия, а сегодня более 90 % объема транзитного евразийского железнодорожного и автомобильного грузопотока направляется через СУАР в соседние с КНР странами. Согласно отчету правительства автономного региона, опубликованному в январе 2023 г., за последние пять лет через СУАР прошло более 30 тыс. грузовых поездов Китай—Европа, а их число ежегодно увеличивалось в среднем на 23,6 %. СУАР будет ускорять строительство перевалочных центров для железнодорожного экспресса Китай—Европа и продолжит активное развитие железнодорожных и автомобильных мультимодальных перевозок между Китаем, Кыргызстаном и Узбекистаном, а также будет способствовать укреплению китайско-пакистанского инфраструктурного сотрудничества. Очевидно, что строительство пилотной ЗСТ будет стимулировать развитие местных конкурентоспособных отраслей, что повысит привлекательность СУАР для инвестиций в промышленность и перемещения производственного потенциала и цепочек поставок в западные регионы, обеспечивая Китаю структурную перестройку экономики, оптимизацию глобальных цепочек поставок, что окажет влияние как на региональную, так и на мировую экономику.

Т.М. Мамахатов

СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И МНГОВЕКТОРНАЯ ПОЛИТИКА СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДАВЛЕНИЯ

Аннотация. Сразу после обретения странами Центральной Азии независимости (в начале 1990-х гг.) Китай начал развивать с ними отношения, основанные на принципах взаимного уважения, добрососедства, дружбы, взаимовыручки и взаимовыгодного сотрудничества.

На сегодняшний день китайская Инициатива «Пояс и путь» (ИПП) является крупнейшим проектом не только в азиатском регионе, но и во всем мире. ИПП охватывает как исторические регионы Шелкового пути, так и «новые» территории, соединяя огромное пространство через всю Евразию и далее. Ключевая роль в Инициативе отдана Центрально-Азиатскому региону (ЦАР) как началу Пути, маршруту прохождения китайских товаров и технологий на Запад.

Ныне Пекин расширяет свое влияние в регионе, действуя через национальные структуры, налаживая связи с местной политической элитой, приспособливаясь к обстановке страны-реципиента. Такой курс являет собой удачный пример тактического «наступления» Китая, одновременно служа механизмом достижения его стратегической цели в странах ЦАР, а именно — успешной реализации ИПП.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, экономическое сотрудничество, экономика, Центральная Азия, Инициатива «Пояс и путь».

Автор: Мамахатов Тлеш Муратович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра «Россия, Китай, мир» Института Китая и современной Азии РАН (адрес: 117977, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0001-7212-6831.
E-mail: tmmamakhmatov@gmail.com

T.M. Mamakhmatov

**Modern challenges and the multi-vector policy
of Central Asian countries under political pressure**

Abstract. Immediately after the declaration of the independence of the Central Asian countries (in the early 1990s), China began to develop relations with them based on the principles of mutual respect, good neighborliness, friendship, mutual assistance and mutually beneficial cooperation.

To date, the Chinese Belt and Road Initiative (BRI) is the largest project not only in the Asian region, but also around the world. The BRI covers both the historical regions of the Silk Road and the “new” territories, connecting a huge space across Eurasia and beyond. A key role in the Initiative is given to the Central Asian Region (CAR) as the beginning of the Road, the route for Chinese goods and technologies going to the West.

Now Beijing is expanding its influence in the region, acting through national structures, establishing ties with the local political elite, adapting to the situation of the recipient countries. Such a course is a good example of China's tactical “offensive”, simultaneously serving as a mechanism for achieving its strategic goal in the Central Asian countries, namely, the successful implementation of the BRI.

Keywords: People's Republic of China, economic cooperation, economy, Central Asia, Belt and Road Initiative (BRI).

Author: Tles M. MAMAKHATOV, PhD (Economics), Lead Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-7212-6831. E-mail: tmmamakhatov@gmail.com

Китай увеличивает свое участие в энергетических проектах в Центральной Азии практически во всех сферах, но особенно — в добыче и разведке углеводородного сырья. На сегодня можно выделить четыре основных направления сотрудничества Китая и стран Центральной Азии, а именно: энергетическая политика, экономическое сотрудничество, региональная безопасность и гуманитарное сотрудничество.

При интеграции стран Центральной Азии в ИПП в первую очередь речь идет о расширении и углублении сотрудничества в энергетической сфере, далее — о расширении торговли и в целом многоуровневого интеграционного взаимодействия.

Кроме углеводородов, можно отметить сотрудничество и в сфере иных энергоресурсов, таких как гидроэнергия и альтернативные источники энергии. В обмен на свои энергоресурсы страны ЦАР получают доступ к китайским высоким технологиям, а также возможность

учреждения на их территориях совместных с китайской стороной предприятий.

Проект «Пояс и путь» предполагает расширение связуемости (*connectivity*) между азиатским, европейским и африканским континентами, а также развитие инфраструктуры в омывающих их морях для укрепления и совершенствования партнерских отношений между странами, включенными в проект.

Таким образом, участие центральноазиатских стран позволит расширить их торгово-экономические связи с основным коммерческим партнером Китая — Европой благодаря созданию нового торгового маршрута через регион, позволяющего сократить сроки доставки грузов по железной дороге из Китая через Синьцзян-Уйгурский автономный район в Восточную Европу до 11-ти дней.

Чтобы добиться поставленных целей, китайской стороне необходимо решить целый ряд задач, в число которых входит обеспечение инфраструктурной взаимосвязи стран — участниц ИПП и беспрепятственности их взаимной торговли, а также финансовая согласованность и политическая координация.

Государственная поддержка и финансирование — это первое, на что опираются китайские внешнеэкономические инстанции в деле обеспечения госкомпаниям из КНР благоприятных переговорных позиций, в том числе и по ценовой политике. За последние 10 лет потребность Китая в энергии выросла в три раза больше, чем в среднем по миру, что, конечно же, обостряет вопрос энергоснабжения в стране, делая его ключевой проблемой национальной безопасности. Месторождения нефти и газа Каспия и Центральной Азии находятся в центре внимания Пекина, и диверсификация импорта энергоресурсов остается одним из надежных механизмов реализации стратегии энергобезопасности КНР.

Благодаря общей границе протяженностью более 3300 км, Китай и страны ЦА являются близкими и давними соседями. С Запада к Китаю примыкают Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан, а уже через их территории Китай соседствует с Туркменистаном и Узбекистаном, также играющими для Китая немаловажную роль.

Постоянное укрепление сотрудничества между Китаем и странами Центральной Азии в области строительства инфраструктуры выгодно не только в рамках двустороннего, но и многостороннего сотрудничества, в котором выигрывают все стороны — и Китай, и страны Центральной Азии.

Заинтересованные в участии в Инициативе «Пояс и путь» страны Центральной Азии одна за другой наращивают с Китаем сотрудниче-

ство в области инфраструктуры. Так, Казахстан и Китай совместно возводят необходимую инфраструктуру для Инициативы «Пояс и путь». А Узбекистан и Китай подписали «Меморандум о взаимопонимании по укреплению сотрудничества в области строительства инфраструктуры» и «Соглашение о сотрудничестве по строительству малых и средних гидроэлектростанций в Республике Узбекистан», «Правительственное соглашение о международных автомобильных перевозках» и другие документы, направленные на постоянное содействие сотрудничеству предприятий из Китая и стран Центральной Азии в области инфраструктуры и гидроэнергетики на основе рыночных принципов. Судя по всему, Китай и государства ЦАР сделали свой стратегический выбор, направленный на наращивание сотрудничества, и потому можно утверждать, что взаимодействие сторон в области инфраструктуры имеет еще большие перспективы, а навязываемый Западом принцип «игры с нулевой суммой» будет заменен принципами взаимовыгодности и со-развития.

Существует большая взаимная заинтересованность между Китаем и странами ЦА в налаживании сотрудничества также и в новых областях. В последние годы страны Центральной Азии проявляют пристальное внимание к развитию инновационных отраслей. Например, Узбекистан и Туркменистан намерены приложить серьезные усилия к развитию солнечной энергетики, электронной и IT-промышленности. Производственные масштабы и технический уровень Китая в таких передовых областях, как солнечная фотоэлектрическая энергия, информационные технологии и электронные коммуникации, являются ведущими в мире. Функционирует целый ряд китайских транснациональных компаний, которые уже занимают лидирующие позиции на рынках многих стран.

Географическая близость стран ЦАР и Китая благоприятствует транспортировке энергоресурсов как по трубопроводам, так и сухопутным путем. Это экономит время и снижает транспортные затраты. Таким образом, коммерческая выгода для всех сторон представляется очевидной.

Китай много лет является крупнейшим торговым партнером стран ЦАР: в 2022 г. объем торговли между Китаем и странами региона достиг максимальной отметки в более чем 70 млрд долл. А в первом квартале 2023 г. китайско-центральноазиатский товарооборот вырос на 22 % по сравнению с соответствующим периодом прошлого года.

Центральная Азия является для Китая ценным поставщиком продуктов сельского хозяйства — пшеницы, соевых бобов, фруктов и сухофруктов, мясной продукции.

Регион важен для Китая и как транзитная территория. Так, в 2022 г. более 65 тыс. поездов из Китая проследовали в Европу, перевезя свыше 6 млн контейнеров с грузами общей стоимостью 300 млрд долл. Почти 80 % всех грузовых поездов из КНР проходили через территорию стран Центральной Азии.

Осуществление проекта ИПП и успех социально-экономического развития ЦАР и его отношений с Китаем так или иначе связаны с урегулированием группы конфликтов, прошлых и даже новых, очаги которых лежат на линии прохождения «Пояса и пути». Разрядка напряженности, совершенствование диалога между странами — участниками Инициативы видятся мощным инструментом ее реализации.

А.С. Исаев

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ В МЕДИЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ СТРАН: ТЕНДЕНЦИИ И ОСОБЕННОСТИ, РИСКИ ДЛЯ ШОС, ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Аннотация. Тезисы посвящены теме информационных войн, которые сегодня ведутся в регионе центрально-азиатских стран. Анализируются формы идеологического воздействия со стороны США и Запада на общественное сознание населения центрально-азиатских стран. Рассматриваются преемственность применяемых при этом методов, которые уже использовались в постсоветском пространстве. Дан анализ рисков которые возникают для ШОС и ЕАЭС в результате вторжения западных стран в информационное поле центрально-азиатского региона.

Ключевые слова: информационная война, ЦИПСО, фонд поддержки демократии, Фонд «Открытое общество», Национальное агентство США по глобальным СМИ, Агентство по международному развитию. USAID.

Автор: Исаев Александр Сергеевич, к.и.н., ведущий научный сотрудник Центра «Россия Китай и мир» Института Китая и современной Азии РАН. ORCID: 0000-0002-8136-9656. E-mail aisaev51@mail.ru

A.S. Isaev

Information wars in the media space of Central Asian countries: trends and features, risks for the SCO, prospects for counteraction

Abstract. The theses are devoted to the topic of information wars that are currently being waged in the region of Central Asian countries. The

forms of ideological influence from the United States and the West on the public consciousness of the population of Central Asian countries are analyzed. The continuity of the methods used in this process, which have already been used in the post-Soviet space, is considered. An analysis of the risks that arise for the SCO and the EAEU as a result of the invasion of Western countries in the information field of the Central Asian region is given.

Keywords: information warfare, CIPSO, Foundation for the Support of Democracy, Open Society Foundation, US National Agency for Global Media, Agency for International Development. USAID.

Author: Alexander S. ISAEV, Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher at the Center “Russia, China and the World” of the Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0002-8136-9656. E-mail aisaev51@mail.ru

Проблема информационных войн в современной турбулентной международной обстановке приобрела особую актуальность и значимость. Информационное давление США и Запада на неудобные страны и регионы сегодня ведёт к росту напряжённости с непредсказуемыми последствиями. К тому же, информационная война превратилась в руках ее адептов в инструмент достижения военно-политических и внешнеполитических целей, средством ограничения суверенитета других стран и подчинения их внешнему влиянию.

В настоящее время одним из регионов, где сегодня активно применяются различные методы и формы информационного давления на общественное сознание населения стран с неудобными режимами, а через него на власти этих стран, стали регионы, которые называют постсоветским пространством. Одним из таких регионов, где наиболее явственно проявляется политика Запада добиться своих целей информационно-идеологическими средствами и средствами манипулирования общественным сознанием, стал регион центральной Азии. Причем в ближайшее время информационное давление на социум расположенных здесь стран вероятно будет нарастать. Во-первых, потому, что в этой зоне пересекаются интересы России и Китая, которые Вашингтон и его союзники по НАТО рассматривают в качестве главных противников, препятствующих глобальному доминированию США и Евросоюза. А во-вторых, в этом регионе тесно переплелись интересы стран Шанхайской организации сотрудничества, которая заметно укрепила своё влияние в мире всей евразийской зоны. Поэтому, нанося информационные удары по Центральной Азии, Запад тем самым бьет по России и Китаю, а также по ШОС и набирающей силу структуре БРИКС.

Какие же инструменты применяет Запад, пытаясь давить на общественное мнение азиатских стран. Напомним о некоторых из них: Национальное агентство США по глобальным СМИ, Агентство США по развитию международного сотрудничества (USAID), Фонд поддержки демократии.

Эти институты обладают миллиардными бюджетами и позиционируются как общественные неправительственные организации (НПО) однако, по сути, являются правительственными учреждениями, финансируемыми из госбюджета. К таким же инструментам следует отнести Фонд «Открытое общество», созданный Дж. Соросом и финансируемый из частных и правительственных источников.

Показательно информационное давление на азиатские страны по двум направлениям. С одной стороны, идёт наступление на присутствие в регионе России, а с другой — делается всё, чтобы подорвать в регионе влияние Китая. Также делается всё, чтобы доказать, что присутствие Китая и Российской Федерации в регионе идёт во вред независимому и суверенному развитию экономики.

Рассмотрев вышеизложенное, можно сделать следующие выводы.

- С точки зрения информационной безопасности, в Центральной Азии складывается ситуация, близкая к критической. Она во многом повторяет ситуацию на Украине, в Грузии и Армении в предмайданный, «предреволюционный» период. Достаточно малейшего повода, чтобы ситуация вступила в фазу очередной цветной революции, как это произошло, например, в Казахстане в январе 2022 г.

- В странах ЦА почти свободно действуют внешние силы и сформированные при их участии оппозиционные политические движения. В свое время с помощью таких же движений были совершены «бульдозерная революция» в Сербии («Отпор»), «оранжевая революция» на Украине («Оборона!»), «революция роз» в Грузии («Кхмара»), а также свергнут режим Акаева в Киргизии («Кел кел»).

- Внешние силы, совершенно очевидно, будут настойчиво вести дело к созданию дополнительных рисков и вызовов на южных рубежах России, а также на западной границе Китая. В зоне влияния ШОС они будут стремиться создавать обстановку нестабильности и использовать для этого уже апробированные инструменты информационного давления и манипулирования общественным сознанием.

- Все это диктует необходимость выработки мер по противодействию внешнему информационному давлению и влиянию.

- В рамках РАТС необходимо ускорить разработку схемы мероприятий по противодействию новым вызовам и угрозам.

- Следует принять адекватные меры по обеспечению информационной безопасности в зоне единого цифрового пространства ШОС.
- На национальных территориях надо ускорить создание Центров экстренного реагирования на вызовы и риски (ЦЭРВР), исходящие извне, в том числе — в едином киберпространстве ШОС.
- Необходимо перевести медийное сотрудничество РФ и КНР из сферы обсуждения и дискуссий в стадию практического взаимодействия с вовлечением в эту работу СМИ, экспертного сообщества, представителей аналитических, административных и правовых институтов.
- Было бы полезно провести обсуждение этой проблемы на уровне российских, китайских и центральноазиатских научных сообществ.

Научное издание

**Внешняя политика КНР
и российско-китайское взаимодействие
в год 75-летия двусторонних
дипломатических отношений**

**Сборник тезисов по материалам докладов
ежегодной научной конференции
Центра «Россия, Китай, мир» ИКСА РАН**

**11 июня 2024 года
Москва**

*Редактор Л.С. Лаврова
Выпускающий редактор Е.В. Белилина
Компьютерная верстка С.Ю. Тарасова
Обложка Т.В. Иваншиной*

Подписано в печать 31.03.2025

Электронная библиотека ИКСА РАН

www.iccaras.ru

Почтовый адрес ИКСА РАН

Москва, 117997, Нахимовский пр-т, 32